

Когда Сергей Казнов поступил на филфак Мордовского госуниверситета, для его друзей это оказалось полной неожиданностью. Потому что в школе он считался крепким «физиком», и ему прочили карьеру инженера, конструктора или даже учёного.

Много позже, окончив Литинститут, Сергей открыл завесу над этой «упущенной» возможностью в стихотворении «ФЭТ» (то есть Факультет Электронной Техники). И оказалось, что на самом деле он никогда не отрекался от физики окончательно. Упомянув *«токи Фуко, константы и переменные»* и сказав, что *«всё это теперь утрачено»*, Сергей тут же признаётся, что *«с тех пор <...> интересует меня отсечённое лишнее»* и сам он как человек *«представляет собой, наверное, не вектор выбранных строк, а сумму отвергнутых»*.

Действительно, складом ума Сергей больше напоминал «физика», нежели «лирика». И в быту навсегда сохранил остроту научного взгляда на всё, к чему прикасался. А вообще, сфера его интересов была невероятно широка: квантовая механика и метеорология, ботаника и теория вероятностей, история и ракетостроение... И во всё это он с удовольствием вникал, разбирался и пытался понять.

Свой интерес и познания Сергей охотно и умело использовал в творчестве, создавая крайне необычные, но очень ёмкие и осмысленные образы. Чего стоит один его «Белый шум» — очень серьёзное стихотворение об

осмыслении христианства, изложенное словно лекция по физике. В двух десятках строк Сергей рассказал о принципах передачи звука с помощью радиотрансляционной сети и неизбежных потерях такой системы, превышающих иногда величину самого сигнала. Сплетение поэтического дарования и научного взгляда придавало его стихам почти сюжетную содержательность. Из-за чего, кстати, в Литинституте у него даже были неприятности: устав от обвинений в «рифмованной прозе», Сергей пошёл на конфликт с мастером, забрал документы за курс до окончания и восстановился лишь через год — в другой семинар!

Казнов был на удивление интересным собеседником. Умел внимательно слушать и поддержать тему, уважал чужое суждение, но ни одно авторитетное мнение при этом не принимал на веру. Считал, что любую истину можно постичь силой собственной мысли, не прибегая к догмам. Был совершенно чужд предвзятости и предрассудкам, а склонность к сотворению кумиров считал худшим недостатком. И потому не принимал религии, что видел в ней отказ от свободы и разума. Осознавая величие высших законов природы, он, тем не менее, не позволял никому решать за себя свою судьбу. Однако, называясь атеистом, не отрицал разумности мироздания, а в творчестве — нередко обращался к богу. Но бог Казнова — внеконфессионален и является скорее философским, нежели религиозным понятием. Стихи Сергея не призывают к поклонению: в них Он присутствует «как равный», почти собеседник. Определяя же своё *собственное* место в мире, Казнов говорит в одном месте: *«не нужен мне вечный двигатель, подайте мне вечный руль»* и *«моё любимое право — править и выбирать»*.

Даже в отношениях с женщинами Сергей подсознательно тянулся к «научной» стороне своей души. Его главной музой

в жизни стала преподавательница физики из технического колледжа. Именно ей он посвятил большинство своих поздних романтических стихотворений. Увы, физика, напроць лишённая лирики, это тупик, в котором Сергей понапрасну пытался прошибить головой стену. Дама сердца совершенно не замечала красот его творчества, считая поэзию вообще — чушь, а стихи Сергея — чушь провинциальной! Его чувства казались ей забавными, милыми и трогательными, но никак не сочетались с представлениями о мужчине, который нужен в качестве возлюбленного. И это — при том что Казнов был настоящим кавалером: галантным, интеллигентным и — совершенно бесстрашным при необходимости. Будучи не очень крепким с виду, он, казалось, напроць был лишён страха, когда нужно было ввязаться в драку. Дрался и один на один, и против нескольких сразу; бывал бит... Но совершенно не утрачивал при этом врождённой жизнерадостности. Зло, встречаемое в жизни, он слишком глубоко презирал, чтобы позволить ему портить себе настроение.

А настроен был всегда на праздник. Друзья так и говорили: «Когда приходит Казнов, в комнате как будто становится светлее». Люди невольно тянулись к нему, словно к духовному наставнику. Вокруг него всегда теснились друзья, и даже когда он попал в больницу летом 2005 года, больничный двор на три недели превратился в подобие Сада Эпикура. Каждый день, как только открывались двери для посетителей, возле Сергея на лавочках собирались ребята с желанием пообщаться.

А ведь ему было отнюдь не до веселья! Доставленный на скорой прямо с улицы, он три дня провёл в реанимации с диагнозом «обширный инфаркт». Помня, что отец его умер в 40 лет именно от инфаркта, милости от судьбы ждать не приходилось. Однако Казнов был настолько спокоен и привычно весел, что заставлял нас забыть — куда мы

пришли. Лишь тетрадь, которую он завёл в больничной палате и которая осталась после его смерти, даёт некоторое представление о глубине мыслей и переживаний его в этот период.

Выйдя из больницы, Сергей не оставил активное общение с друзьями. Напротив: продолжил жить как прежде, осмысленно решив, что жизнь должна приносить радость, а держаться за неё из страха — недостойно уважающего себя человека.

Зная результат, такое решение можно счесть глупым и ошибочным. Больной — должен себя беречь! Но зная натуру и характер Казнова — поэта и человека — понимаешь, что иным он быть не мог. Вернее — не хотел, что в данном случае означает одно и то же.